

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЫТОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (на материале волшебных сказок даргинцев)

Ф. А. Алиева
Ф. Х. Мухамедова
А. Р. Гашарова

Судьбы традиционных фольклорных жанров в современную эпоху, особенности их бытования, их подверженность изменениям под воздействием новой действительности — эти и многие другие вопросы закономерно возникают при постановке проблемы исследования современного состояния жанров традиционного фольклора народов Дагестана. Данная проблема весьма обширна, т.к. охватывает весь спектр вопросов, связанных с степенью устойчивости устно-поэтических традиций в отдельных регионах, бытованием жанров и выявлением их локальных особенностей. Традиционные жанры фольклора в современный период подвержены определенным изменениям, обусловленным затуханием и постепенным угасанием фольклора (отжили свой век некоторые виды обрядовой поэзии, баллады, угасают героико-эпические традиции и т.п.). Процессы трансформации коснулись и жанров народной сказки в дагестанском устно-поэтическом творчестве, в частности в волшебных сказках в фольклоре даргинцев. В настоящей статье показано, что сказочная традиция подвергается изменениям, которые происходят вследствие творческой переработки традиционных сюжетов и создания на их основе новых, отражающих элементы современной действительности. Путем сопоставительного анализа текстов волшебных сказок из традиционного репертуара и их вариантов, зафиксированных в даргинских районах (Дахадаевский, Кайтагский и др.), выявлены характерные особенности изменений сказочной структуры, проникновение в сказочный стиль элементов современности и т.д. Авторы пришли к выводу, что в процессе длительного бытования и эволюции народного мировоззрения тексты изменялись, переосмысливались, наполнялись новым содержанием. Это нашло отражение как в идейном содержании сказок, так и в их художественных приемах и средствах. Интересной особенностью современного бытования волшебных сказок является введение в ткань повествования комментариев от лица самого рассказчика. В самом типе повествования также наблюдается отход от традиционных сказочных канонов: происходит переплетение архаических элементов с поздними напластованиями, их варьирование, переосмысление и т.п.

Ключевые слова: традиционный фольклор, жанры, современность, влияние, изменения, волшебная сказка, архаические элементы, художественные приемы, композиция, зачины, структура, тип повествования.

The fate of the traditional folklore genres in the modern era, the features of their existence, their exposure to changes under the influence of the new reality — these and many other issues naturally arise when setting the problem of the study of the current state of genres of traditional folklore of the peoples of Dagestan. This problem is very extensive, as it covers the whole range of issues related to the degree of stability of oral-poetic traditions in certain regions, the existence of genres, the identification of their local features. Traditional genres of folklore, as noted by a number of researchers (L. G. Barag, T. G. Leonova, N. M. Vedernikova, E. V. Pomerantseva, etc.) are subject to certain changes in the contemporary period. They note the general picture of the decay and gradual extinction of folklore (there are overcome their age some types of ceremonial poetry, ballads, became extinct the heroic epic tradition, etc.). The transformation processes also touched upon the genres of Dagestan folk tales, in particular in folklore of Dargins, one of the ethnic group of multinational

Dagestan. The material shows that not all fairy-tale genres are preserved in the form, in which they were active during their heyday. In the present article it is shown that the fairy tradition undergoes changes, which occur during reconsidering traditional fairy plots and the creation on their basis of new ones, reflecting elements of the modern reality. On the basis of the comparative analysis of the texts of fairy tales from traditional repertoire and their variants, fixed by us in the Dargin districts (Dahadaev, Kaytag, and oth.) we have identified characteristic features of the change of fairy tale structure and the penetration into the fairy style modern elements, etc. We came to the conclusion that in the long process of historical development of society and the evolution, that the people's worldview has undergone, texts changed, was reinterpreted, obtained new contents. It is reflected in specific art techniques and means. An interesting feature of the modern existence of fairy tales is the introduction into the narrative different comments from the narrator himself. In the type of narration there is also a digression from the traditional fairy canons: there is an intertwining of archaic elements with later overlays, their variation and reinterpretation, etc.

Keywords: traditional folklore, genres, modernity, influence, changes, fairy tale, archaic elements, artistic techniques, composition, origins, structure, type of narrative.

Исследование современного состояния традиционного фольклора — одна из актуальных проблем дагестанской фольклористики, сопряженная с уяснением таких важных ее аспектов, как рассмотрение особенностей изменений традиционных жанровых форм фольклора в условиях новой действительности.

Одна из первостепенных задач в решении данной проблемы — определение характера тех изменений, которым подвержены отдельные фольклорные жанры в общей художественной системе традиционного фольклора, что обусловлено степенью устойчивости устно-поэтических традиций. Несмотря на относительную замкнутость жанровых границ, которая характерна для отдельных жанров фольклора, многие из них, бытуя в современный период, имеют тенденцию к трансформации, видоизменениям, переходу из одних жанровых форм в другие.

Ведущие фольклористы-сказковеды отмечают, что тенденция неравномерного затухания устной сказочной традиции, которая развивается с прошлого столетия на всей этнической территории восточных славян, не исключает его нового расцвета в современных услови-

ях, о чем свидетельствуют записанные и изданные в последние десятилетия тексты сказок выдающихся народных сказочников — русских, украинских, белорусских [1; 2; 3; 4]. Так, Л. Г. Бараг, сопоставляя традиционный сюжетный состав с материалом последних лет, прослеживая соотношение устойчивого и динамичного, приходит к выводу, что «в русле живой сказочной традиции происходит творческое обновление. Она развивается, одни элементы художественной ткани сказки отмирают, другие нарастают» [1, 114]. Эти же явления, но более конкретизируя, отмечала ранее и Э. В. Померанцева. Характеризуя особенности изменения сказочных жанров в современную эпоху, она писала, что фольклорная сказка живет запасом традиционных сюжетов, мотивов, образов, в корне она не изменяется, но не развивается продуктивно, а лишь приспосабливается к воздействию на нее действительности, что отражается на деталях, обновляющих традиционную основу...» [4, 64]

Как известно, специфика жанра состоит в том, какая действительность и какими средствами в нем отражена, следовательно, при изучении любого жанра необходимо учитывать ту об-

ласть действительности, которая способствует уяснению общих закономерностей его бытования и развития. В этом смысле сказка дает благодатный материал, подтверждающий зависимость ее художественной формы и содержания от конкретно-исторической действительности, от тех эстетических запросов, которые выдвигались в тот или иной период общественной жизни.

В данной статье делается попытка рассмотреть некоторые аспекты сложного и противоречивого процесса традиционного сказкотворчества и новых его возможностей в современных условиях на материале волшебных сказок в даргинском фольклоре.

Проникновение в традиционный сказочный стиль элементов современности, изменение сказочной структуры под воздействием новых явлений — эти тенденции, определяющие в целом современное состояние фольклора, нагляднее всего просматриваются при сравнении и сопоставительном анализе традиционных сказочных сюжетов с их вариантами, записанными в последние годы. В этой связи особый интерес представляют волшебные сказки, поэтика которых позволяет выявить те или иные изменения, которым подвергся сюжет под воздействием новой действительности.

Волшебная сказка — один из самых сложных и многообразных жанров в фольклоре даргинцев. Сложность и многообразие волшебной сказки обусловлены разнохарактерностью ее сюжетного состава, в котором выделяются как сюжеты с архаическими мотивами, восходящие в своих истоках к древнейшим эпохам, так и сказки, основанные на социальных конфликтах. К ним следует отнести сказки о взаимоотношениях в семье, о вражде братьев, о маче-

хе и падчерице, о коварстве и зависти старших братьев, о борьбе против конкретных социальных врагов — падишахов, ханов, царей, мулл и др.

Фактическим материалом для данной статьи послужили волшебные сказки из традиционного репертуара, опубликованные в различных сборниках на русском и даргинском языках [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], тексты, хранящиеся в Рукописном фонде ИЯЛИ ДНЦ РАН, а также сопоставительный материал, зафиксированный нами в 80-90-х годах XX в. в даргинских районах Республики Дагестан — Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском, Сергокалинском. Нами использовались не только тексты уже известных публикаций: «Синяя птица» [6], «Двадцать один брат и сестра» [6], «Мачеха-кровопийца» [6], «Семеро братьев» [7], но также и их новые варианты: — «Волшебная птица», «Брат и сестра»¹, «Три брата», «Преданный сын», «Находчивый конь», «Волшебное яйцо», «Храбрый юноша»², «Мачеха», «Кровожадная Бяжук»³, «Пастух и Айшат»⁴, «Бяжук и юноша»⁵ и др.

Следует отметить, что мы не можем претендовать на исчерпывающую полноту освещения поставленной задачи по той причине, что материал, которым мы располагаем, а точнее — записи последних лет, не могут служить абсолютным показателем сохранности той или иной местной фольклорной традиции не только потому, что в ряде случаев проблема упирается в качество самих записей, но и потому, что, к сожалению, сама собирательская и информаторская работа зачастую носила «одионый» характер, а не нацеленный на конкретно поставленную задачу. Тем не менее, даже эти имеющиеся в наличии тексты, уже позволяют очертить определенные

тенденции, контуры тех изменений, которым подвергалась традиционная сказочная поэтика, и, соответственно, изменялся и сам сюжет.

Проникновение в традиционный сказочный стиль элементов современности, изменение сказочной атрибутики под воздействием новых явлений — эти тенденции особенно наглядно обнаруживаются при анализе волшебных сказок с архаическими элементами, построенных на мотиве борьбы человека с враждебными ему силами природы — фантастическими персонажами-чудищами, драконами, аждахами и т.д.

Если ранние сказки с архаическими элементами основаны на мотиве борьбы героя с злыми силами природы, то в более поздних сюжетах с социальными конфликтами — это уже мотивы борьбы с конкретным социальным врагом. Большинство таких сказок отражают взаимоотношения народа и его угнетателя — падишаха, богача, царя, хана. Среди них наиболее широкое распространение получили сказки на традиционные сюжеты о борьбе героя за справедливость, за лучшую долю. К ним относятся сказки о мачехе и падчерице, о невинно-гонимой сиротке, о трех братьях, младший из которых, презираемый всеми, наделен «низкими» чертами, которые в финале превращаются в «высокие», о молодом юноше, который, преодолевая множество трудностей, проявляет исключительную храбрость и мудрость и завоевывает себе счастливую жизнь и др. К традиционным мотивам даргинских волшебных сказок относятся и мотивы борьбы народного героя с несправедливым и жестоким царем, падишахом, ханом.

Одна из особенностей художественной структуры волшебных сказок тра-

диционного репертуара — сложное переплетение архаических элементов с поздними напластованиями, придающими повествованию чисто сказочную атмосферу, где древнейшие элементы выступают как художественный прием, как следствие переработки мифологических понятий и представлений в соответствии со своими жанровыми особенностями. Такой смешанный тип повествования, где архаика трансформируется соответственно конкретной эпохе, наиболее доступен для творческого варьирования, которое часто происходит вследствие контаминаций мотивов разных сюжетов. Подобные «новообразования» — результат нарушения былой устойчивости и замкнутости традиционной сказочной формы.

В новых вариантах волшебных сказок мотивы борьбы с фантастическими персонажами перерабатываются на основе современности. Так, идейная основа сказки «Мачеха», во многом сохранившая традиционную устойчивость волшебного повествования с присущими ей мотивами борьбы героя с фантастическими персонажами, эпичностью, протяженностью действия, в новой записи получает уже иную направленность. Действие в ней происходит «в одном селении», где живут главные герои — муж и жена. Муж имеет «отару овец», а жена, несмотря на достаток в семье, работает в колхозе с утра и до позднего вечера. В основе конфликтной ситуации лежит семейный разлад: у жены после первого сына каждый год рождались дочери, и озлобленный муж, велел убить такую жену и очередную дочь, отправляется на поиски женщины, у которой рождались бы только сыновья. Сын, пожалев мать и сестру, увозит их далеко от дома и поселяется

с ними в лесу, где происходят встречи с семью великанами, которых он побеждает без каких-либо усилий. Героя ждут дальнейшие приключения. У родника ему встречается горящая девушка, которую выдают замуж за нелюбимого. Родник охраняют семиглавые драконы, грозящие в наказание за неподчинение родительской воле проглотить девушку живьем. Герой с той же легкостью и быстротой побеждает драконов, освобождает девушку и женится на ней. Сюжетные перипетии сказки на этом не завершаются. С героем и далее происходят всевозможные приключения, но во всех ситуациях он проявляет находчивость, храбрость и справедливость.

На протяжении всего повествования традиционные элементы сочетаются с признаками повседневной реальности, при этом как бы тускнеет вера в чудесное, сверхъестественное, утрачивается условность сказочного времени и пространства. Примечательно, что действие сказки происходит в конкретной местности, герои занимаются реальным, повседневным трудом. Обращает на себя внимание и то, что в стиле изложения усиливается стремление рассказчика к логическому и психологическому обоснованию, мотивированию событий и поступков героев: так, встретившись с отцом в одном из селений, сын убеждает его вернуться домой, к матери и сестрам, и находит слова, в которых раскрываются такие качества, как забота, доброта, мудрость. «Вернись, отец, — говорит он, — разве в наше время трудно прокормить семью? Сестры сами смогут зарабатывать на жизнь. Работы в селении хватит на всех». Мудрые слова сына оказали нужное воздействие на отца, и он возвращается в семью, где находит своих дочерей

уже взрослыми и самостоятельными.

Как видим, повествование насыщено новыми элементами: при наличии традиционной композиционной схемы и ее основных компонентов — отправка героя, поиски, борьба с фантастическими персонажами, удача, возвращение — в идейно-эстетическом плане произошли изменения, переосмыслились некоторые традиционные мотивы, в частности: мотив поиска женщины, у которой бы рождались только сыновья, встреча с великаном у родника, который грозит проглотить девушку, если она не «выполнит родительскую волю» и др. Фантастические персонажи в сказке также играют самую незначительную роль, так как герой без особого труда их одолевает.

В волшебных сказках, отражающих социальные конфликты, по-своему, так, как это представлялось в народной среде, ставились и решались вопросы о причинах богатства и бедности, о путях к счастью. Среди них наиболее широкое распространение получили сюжеты, в которых, несмотря на их фантастический характер, показана борьба героев за справедливость, за лучшую долю. Нередко в таких сказках противником героя выступает хан. Так, на примере анализа новой записи волшебной сказки «Пастух и Айшат» можно проследить ряд особенностей закономерных изменений сказочной традиции. Стремление к логическому и психологическому обоснованию, мотивированию событий и поступков героев, желание создать иллюзию достоверности в данном тексте привели к нарушению устойчивой формы традиционного повествования, утрате сказочной условности. В сказке «Пастух и Айшат» хан, изъявив желание отобрать у бедного

пастуха его красивую жену Айшат, отправляет героя — пастуха Али с трудными поручениями.

Для повествования характерны драматические эпизоды, острые и захватывающие моменты, последовательно показывающие историю преследования ханом бедной и несчастной девушки, ставшей жертвой несправедливости и самодурства власть имущих. Насыщенность напряженными ситуациями усиливается еще и тем, что пастух и девушка любят друг друга. Этот мотив, который, по сути, и является центральным, подробно освещается уже в самой экспозиции, цель которой — настроить слушателя на восприятие душевного и эмоционального настроя сказки.

Но любовь молодых людей омрачена притязаниями злого и жестокого хана, в связи с чем в сказку вводится традиционный поэтический прием трудных заданий. В сюжете он несет большую художественную нагрузку, так как выполняет важную роль в создании образов героев, служит средством, усиливающим психологическую напряженность. Чтобы избавиться от пастуха Али, хан ставит условие: достать в трехдневный срок золотое кольцо, находящееся на мизинце людоеда, иначе он его убьет. Оно выполняется, как того и требуют каноны волшебного повествования, — посредством вмешательства друзей-помощников. Мир добрых помощников человека, составляющий с героем единое целое, противопоставлен миру зла, чем активнее в сюжете добрые, человеческие начала, тем сильнее противоборствующие и враждебные, описание которых также детализируется: «Много способов придумывал хан для избавления от ненавистного Али, однако ни на одном остановиться не мог, поэто-

му хан решил через своих людей убить Али». В последующей сцене детально описывается намерение хана, его целенаправленное стремление избавиться от пастуха. Она изобилует бытовыми подробностями, не свойственными традиционному сказочному стилю. Подобные элементы реалистичной приземленности чудесного повествования обусловлены стремлением приблизить события к реальной действительности.

Известно, что волшебная сказка как продукт устного народного творчества на протяжении длительного периода развития общества выработала свою устойчивую поэтическую систему художественно-изобразительных средств. Рассказчик традиционно исполняет волшебные сказки в пределах определенной поэтической системы, созданной коллективом, такие устойчивые поэтические приемы, как принципы построения сюжета, система образов, особый поэтический стиль и т.д., т.е. привлекая весь арсенал средств, составляющих устоявшуюся сказочную традицию.

Как и сказки других народов, волшебная сказка даргинцев донесла до нас многие черты породившей ее древней эпохи. Однако это не означает, что элементы древности нашли отражение в сказочных мотивах, сюжетах, образах без каких-либо изменений. В процессе длительного исторического развития общества и той эволюции, которое претерпевало народное мировоззрение, они изменялись, переосмысливались, наполнялись новым содержанием. И это в первую очередь нашло отражение в ее традиционной поэтике, в конкретных художественных приемах и средствах.

Художественная система даргинских волшебных сказок традиционного

репертуара, как и сказок многих других народов Дагестана, в целом характеризуется устойчивостью поэтических приемов и средств — зачина, кульминации и концовки, поэтических формул-клише, эпических приемов ретардации, контрастности, гиперболы и др. Однако сказочный материал последних лет, зафиксированный нами в выше-названных даргинских районах, свидетельствует о том, что в определенных местных условиях в русле живой сказочной традиции происходит творческое обновление. И в наибольшей степени этому процессу подвержены такие компоненты сказочной структуры, как композиция, зачин и концовка, традиционные сказочные мотивы, стиль изложения и т.д. При этом следует отметить, что те или иные изменения традиционного сказочного сюжета в каждом конкретном случае являются следствием развития творческой индивидуальности рассказчика.

Композиция — один из главных структурообразующих элементов традиционной поэтики волшебных сказок. Она подчинена цели идеализации народного героя, и ее архитектоника построена таким образом, чтобы показать превосходство положительного героя, возвеличить его, усилить внимание слушателя на препятствиях и умениях героя их преодолеть. Композиция, в свою очередь, включает такие компоненты, как зачин, эпическая часть, состоящая из завязки, кульминации, развязки и концовки. Композиция многих известных волшебных сказок в целом соответствует традиционной схеме. Так, ряд сказок («Ведьма-кровопийца», «Мачеха-ведьма», «Пастух и ханская дочь», «Двадцать один брат и сестра» и др.) также содержит традиционный за-

чин, эпическую часть, кульминацию и развязку.

Наиболее типичные для традиционного репертуара волшебной сказки зачины следующие: «В одном селении жила одна семья: мать, отец, сын и дочь» («Ведьма-кровопийца»); «Жил-был в одном селе, в одном городе один хан» («Пастух и ханская дочь»); «В одном государстве жил один талкан, у него было трое сыновей» («Храбрый юноша»). Как правило, они носят лаконичный, неразработанный характер, в сжатой форме передают характеристику героев и непосредственно подводят рассказ к основной повествовательной части.

Зачин нередко может быть и несколько развернут: «Жил-был один богатый хан. У него был только один сын. Когда сыну исполнилось 16 лет, умерла его мать» («Три брата»). Такой тип зачина содержит и завязку последующих действий: «После этого хан задумал жениться, желая иметь еще детей...» Такой зачин может содержать присказку, являющуюся ее вводной частью.

Однако сравнительный анализ структурных особенностей ряда волшебных сказок, записанных в последние годы, показывает, что зачины не всегда четко выдерживаются в рамках сложившихся традиций. Нередко зачины представляют собой развернутое изложение подробного содержания: «Жили-были три брата и одна сестра. Они были очень бедные люди и, не имея в своем селе никакого заработка, были вынуждены поселиться недалеко от села около леса, где имели возможность обрабатывать землю, благодаря чему и существовали...» («Кровожадная Бяжук»). Такой тип зачина содержит развернутую характеристику социального положения героев, указыва-

ет на место действия; он носит реалистический характер, типичный больше для социально-бытового эпоса, чем волшебного.

Интересной особенностью современного бытования волшебных сказок является введение в ткань повествования различного рода комментариев от лица самого рассказчика. Так, например, зачин сказки «Джигит и хан» [12] в краткой форме содержит характеристику хана, как бы представляющую вводную часть к последующему повествованию: «Жил-был один богач. В мире не было никого богаче и могущественнее его. Один раз он увидел сон, что один из тех детей, кто родится в ближайшую пятницу, убьет его в ближайшее время». Повествование как бы прерывается комментарием-пояснением: «Пятница у верующих считается святым днем, и один из тех, кто должен родиться в этот день, должен быть святым, дорогим человеком».

Зачин сказки «Храбрый юноша» представляет несколько иной тип, он составляет вводную часть, в которую вводится комментарий. Как и многие другие, сказка традиционно начинается со слов: «Жил-был один мужчина. У него было трое сыновей. Он до того был смелым и мужественным, что, когда он выходил из дому, люди думали, что не вернется живым». Затем вводится комментарий от лица рассказчика: «Ведь смелые первыми в огонь бросаются». Далее следует эпическая часть: «Посадил он рядом всех трех сыновей и дал им наставление, чтобы ему поставили памятник из сала барана и по очереди до сорока дней ходили сторожить». Вновь следует «авторский» комментарий: «Как писал даргинский поэт Омарла Батырай, «Памятник хорошему джигиту должен у дороги стоять»» [12, 40],

после чего как бы прерванное изложение сказки вновь продолжается.

Нередко в новых вариантах сказок зачины представляют целые рассказы, они очень индивидуальны, и поэтому их трудно как-либо классифицировать или анализировать их содержание. Вот один из таких: «Жили два царя. У одного царя была дочь, а у другого сын. Дочь царя была так красива, что царевич, даже не видя ее, полюбил и послал сватов. Но цари враждовали между собой, и отец отказался выдать дочь за царевича. Наконец после долгих просьб царь дал слово, что выдаст дочь за царевича, но в душе сожалел, что дал такое слово, и все же решил не выдавать...».

Вводная часть здесь — это почти реалистический рассказ, сообщающий о главных героях сказки, где приводится мотивировка их последующих поступков, разъяснение смысла их действий. В зачине сказки «Бяжук и юноша» также обнаруживаются «нетипичные» для традиционного волшебного повествования мотивы: «У одной старой Бяжук был любовник — молодой и красивый парень, много было у него поклонниц, но всех она тайком от него убивала...». Этот «осовремененный» мотив движет и дальнейший ход действий, который выстраивается на стремлении парня освободиться из-под власти злой силы.

Переплетение традиционных и новых мотивов, обновление идейного содержания — характерная особенность этой сказки. Любовная связь парня и его стремление избавиться от назойливой любовницы — это, по всей вероятности, переосмысленный традиционный мотив борьбы положительного героя с враждебными силами, но уже «облаченный» в новую, современную смысловую оболочку. Бяжук была так страшна, что ее

дыхание вызывало гром, изо рта вылетали искры при виде парня, разговаривающего с кем-либо, глаза сверкали как «северное сияние». И вот однажды, увидев, что красавец стоит со своей любимой девушкой, она в гневе стала испускать искры. Тогда он говорит: — Всемогущая Бяжук, если ты убьешь ее, ты больше меня не увидишь, и сама умрешь. Не забывай, что жизнь твоя в моих руках...».

Переплетение новых элементов со старыми в данном случае придает сказке особую экспрессивность и эмоциональный накал. На протяжении всего повествования показано состояние души героев: «Испугалась она этих слов, и подумала, что он знает, где заключена ее жизнь, и если она убьет девушку, джигит может ее оставить и вообще убить. Тогда она успокоилась и ушла...».

В сказку вводится и традиционный для волшебного повествования мотив уязвимости героя: Бяжук должна умереть от иголки из волшебного яйца. Оно лежит в золотом сундуке, которое находится на высоком дереве, недалеко от дома Бяжук. Парень задумал избавиться от ненавистной Бяжук и обращается к своей девушке: «Дорогая моя, мне сказали, что если я не полезу на высокое дерево, я умру, поэтому я вернусь, и ты пожелай мне удачи...». Он дошел со своей любимой до того дерева, достал сундук, взял яйцо, но оно выскользнуло и упало девушке под ноги, она схватила его, взяла иголку и согнула. И в это время загрел гром, засверкала молния, началась гроза. Гром этот — был крик Бяжук, молния — ее сверкающие глаза, а гроза — ее слезы...». И только тогда, когда парень слез с дерева и сломал иголку, все кругом стихло, все изменилось. Парень, которого она держала в плену, добился свободы, про-

стые деревенские девушки после этого могли спокойно жить, они избавились от страха. Герой женился на своей любимой, освободился от «рабства любви» Бяжук, освободил и других. Концовка сказки следующая: «Так любимая девушка избавила парня от всемогущей ведьмы, которая ради своего счастья была готова погубить жизнь многим молодым людям, только начинающим жить».

Как видно из текста, сказочник, как бы находясь во власти традиции, с одной стороны, активно использует характерные для волшебного повествования элементы: это и гиперболизм в описании внешнего облика Бяжук, употребление стереотипных формул: ее дыхание вызывало гром, изо рта вылетали искры, глаза сверкали и т.д., и использование традиционных мотивов (уязвимость героя), а с другой — под влиянием современности происходит переосмысление традиционного содержания: сам конфликт героя с фантастическим персонажем сохраняется, он развивается в русле традиций, но наполняется новым смыслом, новым содержанием, новыми оттенками. Особенно наглядно это переосмысление подтверждает концовка сказки, в которой дается свое, «авторское» толкование этического смысла произведения.

Таким образом, приведенный анализ текстов наглядно позволяет выявить наиболее характерные изменения, наблюдаемые как в содержании сказки, так и в ее художественной форме. Они в основном касаются самих компонентов структуры — зачина, концовки, отдельных сюжетных ходов, мотивов. В самом типе повествования также наблюдаются изменения: происходит переплетение архаических элементов с поздними

напластованиями, их варьирование, переосмысление и т.д. Подобный тип композиции — также результат нарушения устойчивости былой традиционной сказочной формы. Одна из прослеживаемых тенденций — введение элементов нового быта, морали, углубление психологизма, описание душевных переживаний героев, усиление социальных оттенков.

Примечания:

1. Сказки «Волшебная птица», «Брат и сестра» записаны Ф. А. Алиевой в 1989 г. от А. Магомедова в с. Сутбук Дахадаевского района Республики Дагестан (РД).
2. Сказки «Три брата», «Преданный сын», «Находчивый конь», «Волшебное яйцо», «Храбрый юноша» записаны Ф. А. Алиевой в 1980 г. от П. Идрисовой в с. Дегва Сергокалинского района РД.
3. Сказки «Мачеха», «Кровожадная Бяжук» записаны Ф. А. Алиевой в 1990 г. от С. Пашаевой в с. Чяхдик Кайтагского района РД. *Бяжук* — фантастический персонаж в фольклоре даргинцев, сходный с образом Бабы-яги в русском фольклоре.
4. Сказка «Пастух и Айшат» записана С. М. Темирбулатовой в 1989 г. от И. Рамазанова в с. Санчи Кайтагского района РД.
5. Сказка «Бяжук и юноша» записана Ф. А. Алиевой в 1988 г. от И. Рамазанова в с. Санчи Кайтагского района РД.

-
1. *Бараг Л. Г.* Состояние восточнославянской устной сказочной традиции и современные народные сказочники // Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. С. 18-29.
 2. *Леонова Т. Г.* Эволюция жанра сказки в условиях современности // Сибирский фольклор. Томск, 1965. Вып. 1. С. 9-120.
 3. *Ведерникова Н. М.* Русская народная сказка. М., 1975.
 4. *Померанцева Э. В.* О русском фольклоре. М., 1977.
 5. Дагестанские сказки/пер. Н. Капиевой. Махачкала, 1954.
 6. Даргинские народные сказки/сост. З. Абдуллаев и С. Гасанова; предисл. З. Абдуллаева. Махачкала, 1959.
 7. Сказки народов Дагестана/пер., сост. и автор примеч. Х. М. Халилов. М., 1965.
 8. Даргинские сказки/пер., предисл., прим. М.-З. Османова; отв. ред. З. Г. Османова. М., 1963.
 9. Сказочные самоцветы Дагестана/сост., пер. А. Назаревича. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975.
 10. Сатира и юмор народов Дагестана/сост. А. Ахлаков, Х. Халилов и др. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. (на рус., авар., дарг., кум., лак., лезг., ног., таб. яз.)
 11. Даргинские народные сказки/сост. З. Магомедов, Ф. Алиева. Махачкала, 1989. (на дарг. яз.).
 12. *Алиева Ф. А.* Даргинские народные сказки. Новые варианты известных сюжетов. Махачкала, 2006.